

Любовь дает возможность представить мир таким, каким он должен быть для тебя.

Мария Башкирцева

Глава первая

Существует ли дружба между мужчиной и женщиной? Друж-ба. Дружба. Дру-у-ужба. Друж-ж-жба. Сколько ни повторый, радостнее не станет. Словно в пустыне меня подхватила воображаемая песчаная буря, и это ненавистное слово начало съедать глаза, скрипеть на зубах... Дружба.

Есть ли она между нами? Засматриваюсь в родные зеленые глаза, и мир на мгновение застывает. Я часто борюсь с желанием подойти к Нему, крепко обнять и, уткнувшись носом в шею, негромко во всем признаться. Но мой друг имеет скверную привычку все переводить в шутку. Пробовала ли я поговорить с ним о своих чувствах? Что ж, как-то раз...

Печальные размышления перебил Пашка. Он по-свойски обнял меня за плечи и громко спросил:

— А какой был вопрос? Повторите, пожалуйста.

— Есть ли дружба между мужчиной и женщиной? — пролепетала стоящая перед нами первокурсница с социологического. В руках у девчонки толстый блокнот и ручка. С тех пор как Паша подошел к нам, она то и дело бросала на друга заинтересованные взгляды. Теперь кокетливо убрала прядь волос за ухо, потупила глазки...

Снова подняла их на Пашку и призывно моргнула пару раз. Вот так: луп-луп.

— Дружба между мужчиной и женщиной? — непонятно чему обрадовался Паша. — Конечно, существует! Перед вами — яркий пример такой дружбы.

— Угу, — криво улыбнулась я, хотя мне хотелось метать молнии в девицу с блокнотом. Хватит! Хватит на Пашку пялиться!

— Вот мы, — важно начал Паша, — с Аполлинарием Сергеевичем...

— Можно просто Полина, — поправила я. Не обязательно всем вокруг знать, что мы с Павлом немного того. Но друга разве когда-нибудь волновало общественное мнение? Это ж так, мелочь.

Что и говорить, а любовь все-таки зла... В моем случае полюбишь и лучшего друга Пашу Долгих, тот еще парнокопытный.

Парень не обратил на мое замечание никакого внимания и продолжил:

— Поля, сколько лет мы с тобой дружим? Года четыре?

— Шесть лет, — снова поправила я.

— Вообще никогда не ссоримся! — заливал Пашка.

— Как же! — крикнула я от досады. Зачем он обманывает?

Не ранее как утром мы поцапались из-за того, что я припозднилась и не успела к первой паре. Я, к слову, всегда на учебу опаздываю. Ничего с этим не могу поделаться. Преподаватель не пустил меня на пару, а в моей сумке Пашкины конспекты лежали. Вот друг и разозлился, когда его ответить попросили... На перемену вышел, едва ли дверь ногой не выбив, ослепив меня дневным светом, который полился из аудитории. И я к

стеночке в ужасе прижалась... В общем, поскандалили немного.

А первокурснице-то стоит сочиняет... Сама доброта. Слышала бы она, как Долгих мне в коридоре выговаривал за очередное опоздание.

Я подняла голову и покосилась на друга. Пашка лучезарно сверкал белоснежной улыбкой, от которой сердце мое жалобно екнуло. Он всегда так улыбается, когда перед нами появляется симпатичная девушка. Паша включает свое обаяние на полную катушку, и мало кто из барышень остается равнодушной. Вот и студентка соцфака скромно улыбнулась в ответ и, вновь кокетливо потупив глазки, сделала какие-то пометки в блокноте. Я отвела взгляд и уставилась в небо. Это выше моих сил! Над тихим зеленым двориком университета проплывали причудливые белые облака...

— А как вы познакомились? — спросила девица. — При каких обстоятельствах?

— Нас в девятом классе за одну парту посадили, — охотно сообщил Пашка. — Полина по алгебре тупила, а я по русскому. Так и слепились.

— Слепились? Как пельмени, что ли? — нахмурилась я. — У тебя с русским языком до сих пор проблемы.

— Не сердись, пельмешек Аполлинарий, — пожал плечами Паша. Первокурсница глупо хихикнула и снова что-то записала в блокноте. Пашка заулыбался. Я попыталась подглядеть, что девица там строчит, но она ловко увернулась.

— Про пельмени, наверное, записывает, — шепнул на ухо Паша, дабы унять мое любопытство. — Жрать что-то захотелось.

Я покосилась на друга и шумно вздохнула. Угораздило же влюбиться в такого несерьезного и безответственного

человека. Нет чтобы полюбить какого-нибудь академика. Хотя тот вряд ли придумывал бы мне забавные прозвища. Да и вообще с ним, наверное, со скуки помереть можно — с академиком-то. А вот с Пашей не соскучишься. Да и сердцу ведь не прикажешь.

В этот момент Долгих кто-то окликнул. Мы обернулись. За нами стоял довольный Пашкин приятель в яркой летней рубашке, на которой были нарисованы бананы. У Павла много приятелей, все вечно чему-то радуются... Парни, что с них возьмешь. Никаких проблем!

— Один момент, — извиняющимся тоном проговорил друг и отошел от нас.

— Какой классный парень! — не стесняясь моего присутствия, заявила девица с блокнотом.

— Кто? — хохотнула я. — Банан?

— Какой еще банан? Вообще-то я о вашем приятеле, — с вызовом произнесла первокурсница. Узнав, что мы только дружим, девчонка явно осмелела. Пялилась на Пашу, который стоял в сторонке со своим знакомым и, активно жестикулируя, что-то объяснял.

Я осмотрела Пашку с ног до головы, будто впервые в жизни видела. Равнодушно пожала плечами: мол, что в нем можно найти?

— Симпатичный, конечно, — согласилась я, — еще с головой все хорошо было бы.

— А что у него с головой? — насторожилась девчонка.

— А он сумасшедший, — доверительно сообщила я, — по пятницам в женские платья одевается.

— Да ладно? — воскликнула первокурсница с соцфака, крепче прижимая к груди раскрытый блокнот. — И не скажешь. Кажется таким мужественным.

— Как же, мужественный! — хмыкнула я. — Мы сначала думали, он шутит. Ну один раз приколотся, второй... Но когда у меня кофточка розовая пропала, кашемировая, тогда уже забили тревогу. Тут ведь не только переодевания, но и воровство — подсудное дело.

Пашка обернулся к нам и, заметив, что мы его рассматриваем, вопросительно кивнул. Я помахала ему в ответ и снова обратилась к девчонке с блокнотом:

— Если боитесь недосчитаться любимого платья, не рекомендую вам с Пашей связываться.

Девчонка закивала. Она приняла мою шутку за чистую монету? Какая же дурында! Я едва сдержала смешок.

Думала, Пашка не подойдет к нам, но, договорив со своим банановым приятелем, друг снова нарисовался около меня.

— Куда пойдут результаты вашего опроса? — вежливо поинтересовался Долгих.

— Это для моей курсовой работы, — быстро произнесла первокурсница, поспешно закрывая блокнот. Она так засуетилась, что выронила ручку. И девчонка, и Пашка присели на асфальт практически одновременно. Вместе схватились за упавший предмет и посмотрели друг на друга. Ну как в кино! Только музыки романтической не хватало. И толстячка-купидона над их головами. Хотя над этой парочкой, словно голодный коршун, уже нависла я. Чем не купидон, который еще не успел сбросить пару наеденных за зиму килограммов? Эх, были бы у меня в руках лук и стрелы, мало б этой социологичке не показалось...

— Пожалуйста! — разогнулся наконец Пашка, протягивая девчонке шариковую ручку.

— Спасибо! — заулыбалась она во весь рот. И снова свое коронное: луп-луп.

— Пашка, а ты когда мне юбку отдашь? — не выдержала я.

— Юбку? — опешил друг. — Какую еще юбку?

— Столько вещей взял у меня, что уже и не помнит, — укоризненно покачала я головой. — Как какую? Красную, в белый горох.

Пока Пашка косился на меня, я шепнула девчонке:

— У него еще и с памятью проблемы.

— А зачем я у тебя ее брал? — осторожно спросил Паша.

— Чтобы надеть, — заявила я. Куда уж теперь отступить...

— Чего-чего?

— Еще и глуховат на одно ухо, — снова обратилась я к студентке соцфака. И красноречиво поморщилась: — Одни минусы! Не рекомендую.

Наверное, со стороны мы с девчонкой походили на дегустаторов из «Контрольной закупки», которые стояли возле стола с образцами докторской колбасы.

Затем обернулась к Пашке и громко, словно сварливая бабка своему старому деду, проговорила:

— Потаскать ты у меня ее одолжил!

— С ума сошла? — еще больше округлил глаза Пашка. А потом покосился на девчонку, которая смотрела на нас с нескрываемым интересом. В глазах друга читалось: «Хотелось бы за Полю извиниться. Понятия не имею, что эта нездоровая мелет...» — Красную, говоришь, в белый горох?

— Такую... до пят, — проямлила я, понимая, как глупо выгляжу со стороны.

— Не мог я у тебя такую взять, — серьезно ответил Паша. — Не мой фасончик. У бабули своей спроси.

Первокурсница, сообразив, какую игру я затеяла, теперь взглянула на меня с нескрываемым ехидством. Ай, да ну их всех!

— Мы сейчас на консультацию опоздаем! — воскликнула я, подталкивая Пашку в спину. Хватит ему на хорошеньких младшекурсниц заглядываться. — Надеюсь, мы вам помогли.

Я старалась улыбнуться девчонке как можно дружжелюбнее, но, скорее всего, на лице моем появился неестественный оскал.

— О, очень помогли! — усмехнулась она в ответ, снова раскрывая свой блокнот. — Теперь мне все предельно ясно.

А чего хихикает-то? Я нахмурилась. Когда Долгих, прощавшись с девицей, отчалил от нас на несколько метров, я выкрикнула:

— Пашка, сейчас догоню!

Повернулась к первокурснице:

— А что вам предельно ясно-то, если не секрет?

Девчонка, не поднимая головы от блокнота, проговорила:

— Не секрет. Как я и думала, нет никакой дружбы между мужчиной и женщиной. А друг ваш скорее слеповат, чем глуховат...

* * *

Мы неслись по длинному пустому коридору к аудитории, где должна была проходить консультация. Конечно, Пашка бежал впереди, а я сзади пыхтела, как паровоз, то и дело поправляя слетающую с плеча лямку рюкзака.

— Жан-Поль, объясни, что это было? — не поворачивая ко мне головы, бросил на ходу Паша.

— А? — не сразу разобрала я его вопрос. И быстрее засеменила ногами. — Ты уверен, что хочешь сейчас об этом поговорить, Павлентий?

Сразу поняла, что он имеет в виду мою выходку перед первокурсницей. Я решила не ждать, пока огребу сама, поэтому пошла в наступление:

— Нашел время, когда отношения выяснять. Если мы сейчас снова опоздаем, на меня так препод разозлится, что я вовсе не получу допуск к экзамену. И тогда я тебя...

— Какая, на фиг, юбка? — не отставал Паша.

— Сказала ж, белая в красный... ой! Красная в белый горох...

— Ковалева! — гаркнул Пашка.

Мы одновременно притормозили и, тяжело дыша, усталились друг на друга. Конечно, рано или поздно Пашка догадается, по какой причине я отгоняю от него девчонок. Каждый раз, вообразив себя Розой Сябитовой, я заявляю, что очередная новая подружка ему не пара. А кто пара? Я?..

Как-то в десятом классе Паша пытался отвалить от меня одного кавалера. Парни даже за гаражами подрались. Я тогда жутко обрадовалась, думала: вот оно — счастье! Но, как оказалось, дело было совсем не в ревности. Эти глупые мальчишки устроили бойцовский клуб из-за предстоящих городских соревнований по серфингу. А я уж себе насочиняла...

Конечно, иногда Долгих тоже включал одну из ведущих «Давай поженимся!», критикуя моих ухажеров. Все ему Луна в знаке Козерога мешала. Как только в душе моей затеплилась надежда, что он не хочет видеть рядом

со мной другого, Паша одобрил одного парня — Степу. Дело было на первом курсе, мы со Степой в кафе познакомились. И даже встречались целых пять месяцев. Но, сколько бы я ни уговаривала себя, что Степа — моя судьба, огромной пламенной любви у меня с этим парнем не случилось. Даже не знаю, зачем я дала ему шанс. Возможно, мне просто надоело быть одной и наблюдать, как рядом с Пашей меняются девчонки. Хотелось забыться и, может быть, по-настоящему влюбиться... Но не судьба. Со Степой мы, кстати, расстались без скандала. Парень и сам чувствовал, что он герой не моего романа. Но в нашу последнюю встречу не удержался от колкости и передал пламенный привет Паше.

— Всегда тебя к нему ревновал, — признался Степа.

— Со стороны это так заметно? — огорчилась я.

— Увы, — вздохнул Степа, — Думаю, рано или поздно вы все-таки сойдетесь.

После того разговора прошло уже два года. Не сбылось. Не сошлись.

Конечно, узнав о моих чувствах, Пашка сначала бы рассердился, затем посмеялся, а потом... стал бы меня избегать? Ведь я ему ни капельки не нравлюсь как девушка. Просто друг. Аполлинарий Сергеевич, Жан-Поль, а вот и Полли... Ему все шутки. А я не хочу его терять. Господи, ну почему он после школы поперся следом за мной в тот же город, в тот же университет, да еще и в одну группу на факультет политологии? За что мне эти мучения?

— Вот уж и приколоться нельзя, — равнодушно пожалала я плечами, — по-моему, с юбкой забавно вышло.

— Что забавного в том... — начал Паша, но я уже демонстративно забарабанила в дверь аудитории.

— Вот это тяга к знаниям, — покачал головой Пашка.

— Допуск к экзамену хочу! — буркнула я в ответ.

Ох, если бы я знала, как стремительно начнут развиваться события дальше, то с радостью сосватала бы друга за первокурсницу с соцфака. Как говорится, из двух зол выбирай меньшее, потому что Пашка подложил мне такую свинью!

Все началось с того, что в среду после занятий друг выловил меня в университетской столовой и негромко проговорил:

— Есть к тебе разговор на миллион.

— Деньги на бочку, — не глядя на Пашу, сразу потребовала я, стоя с подносом в руках, на котором были два круассана и крепкий кофе без сливок, и выискивая свободный столик.

— Вон, у окна освободился, — услужливо подтолкнул меня Пашка.

— Ай! Павлюченко! Вот дурак! Кофе разолью...

Вдвоем мы отправились к столику у окна. Здесь так ярко светило солнце, что я недовольно вздохнула. На стекле красовались грязные разводы от дождевой воды.

— Долгих, предупреждаю, у меня через полтора часа йога, — я демонстративно постучала по спортивным наручным часам.

— Целых полтора часа, — усмехнулся Паша.

— Ты ведь знаешь, что я все время опаздываю, — покачала я головой, впиваясь в свежий круассан.

— Короче, — не стал томить Павлик, — ты помнишь Ульяну Шацкую?

Я закашлялась. С чего бы мне позабыть своего врага номер один? Мы только сегодня утром столкнулись с ней у расписания. Шацкая будто невзначай наступила мне на ногу. Да так больно, что я чуть не взвыла. Своим

милым каблучком-рюмочкой. Наша миленькая правильная девочка...

— Ай! Нельзя ли поаккуратней? — прошипела я девочке.

— Извини! — невинно захлопала голубыми ясными глазками Шацкая. — Не сразу тебя заметила. Алина, кажется?

Ну какая же стерва! Ведь мы учились в одной школе. Только в параллельных классах... Всегда делает вид, будто не помнит мое имя.

— Алевтина! — проворчала я, толкнув ее плечом.

— Ты чего? — охнула Ульяна.

А вот ничего! Терпеть ее не могу. Всю свою школьную жизнь только и слышала от учителей: «Ульяночка Шацкая из «А» класса ну такая замечательная девочка! Отличница, спортсменка... и просто красавица!» А какая отзывчивая! Всех уличных котят домой перетаскала. Когда и моя мама дома нахваливала Улю, у меня от злости пар из ушей валил. Как оказалось, она работала вместе с матерью Ульяны, и та ей докладывала новости о своей доченьке.

— У Шацких Ульяна каждую субботу делает генеральную уборку, — как бы между делом сообщала мне мама. Всякий раз в тот момент, когда я усаживалась за ноутбук, чтобы порубиться в игру.

— Ага, — рассеянно отвечала я, натягивая наушники.

— У Шацких Ульяна каждое утро мусор выносит.

— Ага! — опаздывая в школу, злилась я, перешагивая через услужливо оставленный мамой пакет с мусором у двери.

— У Шацких Ульяна занимается балетом...

И так до бесконечности! Мясо не ест, мех не носит, спорт любит, с детишками соседскими нянчится, конкурс

красоты выигрывает, клубнику в саду выращивает... Как кот Матроскин: «Подумаешь, я еще и вышивать могу... и на машинке тоже».

«У Шацких Ульяна» да «у Шацких Ульяна»... Эта «ушастая Ульяна», дочь маминой подруги, мне за годы учебы поперек горла встала. А самое ужасное во всем этом, что Уля будто не подозревала о моем существовании. Вряд ли ее маман каждое утро назидательным тоном говорила: «А вот у Ковалевых Полиночка в выходные спит до обеда и вечно жует у компьютера. Да-да! И еще еду в постель тащит, да так, что все вокруг в крошках... Опаздывает на занятия, перебивается с тройки на тройку, которую неделю ленится разобрать свой платяной шкаф, прогуливает физкультуру и чипсы любит. Особенно с зеленью и сметаной... Учись!» Ну ужас же! Конечно, хвалить меня особо не за что.

Наши враги делают нас лучше. Что ж, в чем-то это и сработало. Конечно, балет я не потянула, но вот йогу искренне полюбила. А записалась я на нее лишь потому, что «у Шацкой Ульяны» такая осанка... Словно прекрасный черный лебедь она плыла по школьным коридорам. А потом той же лебедкой перелетела и в наш славный универ. Уезжая из родного курортного городка, я и подумать не могла, что судьба снова сведет меня с Шацкой. Но мы поступили в один университет. И деканаты наших факультетов находились на одном этаже.

— Широкая, что ли? — толкаясь у расписания, спросила я.

— У тебя проблемы с воспитанием, Алевтина! — заключила Уля, ничуть мне не уступая.

Моему внутреннему возмущению не было предела. Как она смеет? Ну погоди, подруга! И когда Пашка поинтересовался у меня насчет Ульяны, я заметно напряглась:

— Как ты сказал? Ушацкая?

— Я сказал Шацкая, — поморщился Пашка, потянувшись за круассаном. — Поля, не придуривайся!

— Ну припоминаю такую, — вздохнула я. — В нашей школе училась. А в чем дело?

Пашка ответил с очень серьезным видом:

— Понимаешь, мы в эти выходные в клуб закатились с пацанами...

— Ну? — нетерпеливо перебила я.

— Что «ну»? — удивился Паша. — Там Ульяна была с подругами.

— Ну? — снова воскликнула я.

— Что ты меня перебиваешь? — рассердился Пашка. — Парни к ним подкатили и за наш столик пригласили... Ну?

— Ну! — подтвердила я.

— Тусовка, если честно, была так себе, — продолжил Паша. — А я весь вечер Ульяной любовался. И знаешь, Поля, я понял, что эта девчонка — то, что мне нужно. Несколько дней только о ней и думаю.

— Да ладно, — разочарованно проговорила я. Appetit, если честно, совсем пропал, и я великодушно предложила: — Можешь доесть мой круассан.

— О, серьезно? — обрадовался Паша. И сразу же потянулся за выпечкой. Почему у парней все так просто? Никаких душевных переживаний! Или это только со стороны так кажется?

Настроение было на нуле. Я уставилась в заляпанное огромное окно, мимо которого туда-сюда шныряли студенты. После недавно прошедшего дождя черный асфальт блестел от солнца. В глубоких мутных лужах отражались вечерние лучи. Пашка влюбился в моего врага,

скоро экзамены, у меня еще долг за второй курс висит... Совсем грустно. Превратиться бы в лужу и разлиться по асфальту, чтобы меня все обходили стороной и никто никогда не трогал...

— Пришел к решению, что мне нужны серьезные отношения, — огорошил меня Пашка.

Я удивленно на него посмотрела. К решению он пришел... Архимед.

— С этой Ушацкой?

— С ней, — кивнул Паша.

Вот и все. Сначала стало жарко. Потом я озябла. Сердце жалобно заныло. А если мне и самой в унисон ему рыдаться в шумной столовой?

— Ну и пожалуйста! — даже не попытавшись скрыть злость в голосе, проговорила я. — Мне-то зачем докладывать?

— Тут одна проблемка есть, — неуверенно начал Пашка, — понимаешь, я ей вроде как совсем не нравлюсь.

Долгих выглядел озадаченным. Я, пытаясь скрыть грусть, наигранно рассмеялась. Как злодей в мультфильме.

— Рано или поздно это должно было произойти. Нельзя всем нравиться, это нормально. Расслабься!

— Нет уж! — запротестовал Пашка. — Я к такому не привык. Обычно девушки...

— Ой, это, кстати, в репертуаре Шацкой! — перебив друга, начала ворчать я. — Забудь свое «обычно девушки». Уля ведь у нас не такая, как все... Идеальная. Голубоглазый холодный ангел, куда деваться.

Я прикусила язык. Но Пашка уже внимательно рассматривал меня:

— Ты ее знаешь близко?

Не дружи со мной

— Наши мамы вместе работают, — призналась я, — слышана я о твоей дорогой Ульяне.

— Ковалева, тогда тебе сам бог велел мне помочь, — обрадовался Паша.

— Что? — задохнулась я от возмущения. — Никто мне ничего не велел. Вот еще! Сам со своим бабьем разбирайся.

— Поликарп, ну ты чего так сердишься? — рассмеялся Пашка.

— Сам ты карп! — не могла успокоиться я, от злости елозя на стуле. Как представила себе эту новоявленную парочку, так перед глазами все поплыло. — И вообще, с какой стати я должна тебе помогать завоевать какую-то голубоглазую пигалицу?

Пашка наклонился ко мне и поманил пальцем. Я, заинтересовавшись, подалась вперед.

— Есть у меня предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Глава вторая

— Ну-ка? — затаив дыхание, проговорила я. Что, интересно, он мне может предложить? Научную работу, которую я задолжала со второго курса? Было бы неплохо!

— Буравчик! — торжественно произнес Паша.

— Что? — Мое лицо вытянулось от разочарования.

— Герман Буравин, — начал объяснять мне Паша, — мой кореш по команде. Ты же от него была без ума.

— Ну так уж и без ума, — вяло откликнулась я, — скажешь тоже.

— Ты поможешь мне с Ульяной, а я сосватаю тебя Буравчику.

— Сваха нашлась, — проворчала я. Не нравился мне никогда никакой Буравчик. Глупости! Он же совсем... тук-тук! Сиди, я сама открою.

— А что? — довольным голосом продолжал Пашка. — Будем парочками гулять.

Парочками? От такого предложения хотелось улететь на Луну.

— Герман — парень неплохой. Добрый, веселый. И я помню, как ты говорила, что Буравин тебе очень нравится. — Пашка внезапно накрыл мою руку своей ладонью. И как это обычно бывает — пульс где-то затерялся на

мгновение от счастья. Друг заглянул мне в глаза и проговорил: — Пора действовать. Ты заслуживаешь счастья, Поля.

Губы мои уже дрогнули, чтобы сознаться во всем. Хотя это так сложно. Сказать ему: «Ты прав, Паша. Пора! Я... тебя... лю...» Только подумла об этом — во рту пересохло. А вдруг оттолкнет? Боюсь. Ай, к черту все... Но Пашка убрал свою руку и беспечно произнес:

— И я заслуживаю счастья. Уля такая холодная, неприступная... И это так заводит. Моя Белоснежка.

— Господи, избавь меня! — воскликнула я, поморщившись.

— Шацкая и Буравчик — наша судьба, — заключил Пашка.

От ужаса я готова была заползти под стол и никогда оттуда не вылезать. И в самом страшном кошмаре такое не могло присниться.

Вспомнила тот день, когда впервые хотела признаться Паше в своих чувствах. Это было в прошлом году, летом после второго курса. Я накатала длинное письмо, в котором подробно расписала, что чувствую к лучшему другу. А еще купила в книжном красивый конверт-открытку с яркими красными сердцами. Черным жирным маркером подписала: «От Полины Ковалевой», чтобы Паша сразу понял серьезность моих намерений. Сказать обо всем в лоб сложно, а вот оставить послание...

Пашка в то время вместе с приятелями готовился к предстоящим соревнованиям по серфингу. Я пробралась в небольшое помещение, где находилась раздевалка, чтобы оставить свое письмо в сумке Долгих. Из-за обилия разбросанных по комнате вещей и рюкзаков совсем растерялась. А когда из открытого окна сквозь шелест волн

донеслись мужские голоса и смех, совсем в панику ударились. В первую попавшуюся сумку признание в любви не всунешь (вдруг не тому подброшу?), а быть застуканной в раздевалке ребят — та еще перспектива.

Я не нашла ничего разумнее, чем вылезть в окно — слава богу, первый этаж. Вторую ногу над подоконником занесла как раз под скрип двери. Хохот парней резко стих, а за моей спиной раздался растерянный Пашкин голос:

— Ковалева?

Я, не оборачиваясь, сиганула вниз, взмахнув на прощание собранным на макушке высоким хвостом. Приземлилась на песок и со скоростью света понеслась по пустому утреннему пляжу.

— Полина! — кричал вслед Пашка, который выпрыгнул вслед за мной из окна.

Бежать дальше было бессмысленно, все равно Долгих догонит в два счета. Я притормозила и резко обернулась.

— Ну чего тебе? — раздраженно воскликнула я, будто Пашка отвлекал меня от чего-то важного, например от позорного побега из мужской раздевалки.

Я уставилась на друга. На Пашке был черный гидрокостюм, который подчеркивал его идеальную фигуру, влажные волосы взъерошены, капли морской воды стекают по загорелым скулам. Долгих смотрел на меня, щурясь от утренних лучей.

— Ты чего у нас шныряла? — задал вопрос Пашка, сверкнув белоснежной улыбкой.

— Я не шныряла! — Позабыв о конверте, я сложила руки на груди.

— Что там у тебя? — тут же заметил послание Паша.

— Ничего! — от охватившего меня ужаса заверещала я, спрятала конверт за спину и отскочила назад.

— Ай, да ладно! — захохотал Пашка, протянув ко мне руки. — Полианна, покажи? Сердечки какие-то...

Я продолжала скакать по пляжу, пряча конверт. Паша поймал меня и зачем-то повалил на песок. Наверное, для того чтобы дезориентировать.

— Ну покажи! Покажи! — Пашка хрипло смеялся над ухом, а сердце мое стучало так громко, что я даже не слышала шума волн. — Чего ты так испугалась?

— Отпусти меня! — жалобно просила я, смущаясь от прикосновений Паши, который прижимался ко мне всем телом. В воздухе вдруг стало меньше кислорода.

— Расскажи, что делала в нашей раздевалке?

Я осмелилась поднять на друга глаза. Пашка сиял, радуясь непонятно чему. А я тут же сурово сдвинула брови к переносице:

— Хорошо-хорошо! Там любовное послание. Доволен?

— Я так и понял, — продолжал улыбаться Паша. — А для кого?

Я молчала. И в этой напряженной тишине волны загрохотали еще громче. Каждый новый всплеск ударял по нервам. Паша внимательно смотрел на меня, и улыбка сползала с его лица. А зеленые глаза вдруг стали совсем темными, словно тенистые тропические джунгли.

— Полина! — почему-то шепотом позвал Долгих.

Выражение его лица мне совсем не понравилось, поэтому я негромко и сбивчиво начала:

— Есть у вас в команде такой парень... — Почему-то в голову в тот момент пришел именно Герман Буравин, который в нашем городке пользовался успехом у девочек, но был тупой как пробка. — Светленький, голубоглазый...

— Буравчик, что ли? — с облегчением выдохнул Пашка, а затем рассмеялся: — Я мог сразу догадаться, он многим нравится. Но, если честно, не думал, что и ты на его смазливую морду клонешь.

— Как видишь, — виновато улыбнулась я, — может, теперь ты с меня слезешь?

Пашка быстро вскочил на ноги и протянул мне руку. Помог подняться с песка.

— Давай сюда свое письмо, — сказал Пашка. — Я передам.

— Кому? Буравчику вашему? — перепугалась я. Уже и не рада была, что все это затеяла.

— Ну а кому еще?

— Нетушки! — замотала я головой. — Забудь. Я передумала! Это было плохой идеей.

Паша, глядя на меня, не переставал улыбаться.

— Ты такая забавная, — проговорил со смехом он. — Так смущаешься...

Знал бы он, почему я смущаюсь. Щеки от нашей внезапной близости до сих пор горели.

— Если скажешь своему приятелю, что я к нему чувствую, тебе не жить, — серьезно предупредила я. — Сделаем вид, что ничего не было.

Мы молча направились вдоль берега. Пашка положил мне руку на плечо. Торопливые волны с шумом подкатывали к ногам. Я, осмелившись, обняла друга за талию. Долгих посмотрел на меня сверху вниз и усмехнулся.

— Признаться, ты меня напугала, — тихо сказал он.

— О чем ты? — тут же насторожилась я.

— Если честно, сначала решил, что это письмо предназначалось мне.

Я пару секунд молчала, не зная, что ответить.

— И... если бы это было на самом деле так? — не поднимая головы, спросила я, глядя на белую пену, которая оставалась на мокром темном песке.

— Глупости, — негромко и даже как-то нервно рассмеялся Пашка, — я подумал в ту минуту: «Неужели она готова все испортить?»

— Испортить? — напряглась я.

— Конечно! И я рад, что героем твоего романа оказался Буравин.

— Вот как... — глухо отозвалась я.

— Ага, — Пашка крепче прижал меня к себе. — Ты очень дорога мне в качестве друга. Стань мы парой, еще неизвестно, к чему бы это привело. Ты слышишь меня, Полина?

Я с отсутствующим видом уставилась на рыжее утреннее солнце, которое выглядывало из-за горизонта...

— Ау, Поля! Ты меня слышишь? — снова донесся голос Пашки.

Я вздрогнула и взглянула на друга. Долгих уже дожевывал мой круассан.

— Кофейку еще хлебну? — спросил он.

— Да, конечно, — растерянно проговорила я. — На чем мы остановились?

— Шацкая и Буравчик — наша судьба.

Будто слева между ребер мне воткнули тонкую острую спицу.

— Ах, ну да.

Я внимательно смотрела на Пашу. Что ж, последняя попытка образумить этого человека.

— Слышала, что Ульяна — занятая девушка! — выпалила я.

— Разве? — удивился Пашка.

— Да! — Я сделала невозмутимое лицо. — В последний приезд домой мама что-то рассказывала о Шацкой и ее бойфренде. Вроде там все серьезно. Дело до помолвки дошло.

— Вот как? — озадаченно спросил Паша.

— Угу, — кивнула я, — и жених у нее еще какой-то чемпион Европы... или мира по кикбоксингу. Страшный человек! — решила я припугнуть друга.

— А может, он завоевал титул «Мистер Вселенная»? — к моему удивлению, ничуть не испугался Пашка. Наоборот, только развеселился. — Ты такая болтушка, Ковалева. Нет у Ульяны никого. Я у подруг ее в клубе спрашивал. Так что ни о какой помолвке и речи нет.

— Ого! Поссорились, что ли? — не слишком искренне удивилась я. — А такая любовь была...

Я осуждающе покачала головой. Пашка гипнотизировал меня взглядом. Я невозмутимо отпила кофе, при этом громко причмокнув.

— Короче, Ковалева! — рассердился Паша. — Отвечай: будешь помогать мне или нет?

«Пфф, конечно нет!» — закричал мой внутренний голос.

— Буду! — неожиданно для самой себя ответила я.

Внутренний голос тяжело вздохнул и сделал ручкой. Адъес!

— Отлично, — обрадовался Паша. — Я в тебе не сомневался. Твоя йога... Ты не опоздаешь?

Я вскочила на ноги, не допив кофе. О чем речь? Конечно же, я опоздаю.

— Вечером спишемся или созвонимся! — выкрикнула я Пашке, направляясь к выходу.

После грозы свежий запах озона совсем вскружил голову. «Или на тебя так крепкий кофе без сливок подействовал? Что ты творишь?» — спросил вернувшийся внутренний голос. Долго он на меня дуться не умеет. Я вместо ответа, щурясь от выглянувшего из-за сизых туч солнца, сделала глубокий вдох. Вы-ы-ыдох. Спокойнее, Полина... Дыши! Дыши! В моей голове уже зрел план. И, как мне тогда казалось, был он просто гениальным.

Я помогу тебе, Пашенька. Так помогу, что мало не покажется. Это же такая возможность убить сразу двух зайцев. Подставлю выскочку Шацкую и докажу Пашке, что никто ему не подходит больше, чем я. Долгих прав. Пора действовать. И счастье — оно так близко. Паша даже не представляет насколько... В студенческом кафе за одним столом можно было вытянуть руку и потрогать свое счастье за нос. От одной мысли, что у меня все непременно получится, я повеселела и быстрым шагом направилась вдоль мокрой тополиной аллеи. Дерзай, Ковалева!

* * *

Спустя пару дней мой энтузиазм потихоньку сдулся, как воздушный шар. Вечером после йоги единственное, чего мне хотелось, — устало сползти по стеночке на пол. Я отнесла сумку с формой в комнату и зашла в просторную кухню. Обычно в пятницу никого из Смирновых не бывает дома. Сразу после работы они отправляются на дачу и остаются там на выходные. Если честно, я так ждала весны и начала дачного сезона, чтобы побыть в квартире одной.

Смирновы — мои соседи, которые занимают две комнаты из трех. Обычная семья: муж, жена и их двенадца-

тилетний сын Гоша. Последний — сущее наказание. Не знаю, почему так получилось, но мы сразу невзлюбили друг друга. Хотя, казалось бы, что делить подростку и великовозрастной девице? Но этот сопляк постоянно строил мне козни. То зубную пасту водой зальет, то сумку спрячет, то все йогурты в холодильнике сожрет. «Возраст у него такой. Трудный!» — вздыхала Елена Петровна, Гошкина мама. Лично мне на его возраст плевать. У меня он тоже не из легких. Однако я морские узлы на шнурках чужих кед не завязываю.

Характер у меня, что ли, такой скверный — врагов себе наживать? Не то что лапочка Шацкая. У той много подруг и приятелей, Шацкую все любят.

Я открыла холодильник и тяжело вздохнула. Моя полка была пустой. Даже последнее яблоко этот гад Гошка слопал. Еще и Ульяну так некстати вспомнила. Паша своей увлеченностью Шацкой настроение на несколько дней испортил.

Ульяна — она же такая... изящная, воздушная. С темно-каштановыми волосами и светлой кожей с еле заметными веснушками. Верно ее Паша Белоснежкой назвал. А ее глаза? Голубые и чистые, как горное озеро. На такую грех не залюбоваться. Ну а я что? Худая как щепка, смуглая, глаза карие — таких пруд пруди, никакой индивидуальности.

Я поставила чайник и стянула из вазочки Смирновых парочку пряников, потом возьму ущерб. Оставляю, например, шоколадку. Знаю, что Елена Петровна любит молочный.

Налила чай и уселась за стол. На улице уже стемнело. Тишина... Я гипнотизировала свое задумчивое жующее отражение в окне. Вечер пятницы, а мне даже податься

некуда. Как обычно, ужинаю в одиночку. И чем? Воробьяными пряниками.

Конечно, можно было навязаться в компанию Пашки и его приятелей, подруг-то у меня нет. С девчонками у меня никогда отношения не складывались, но почему-то это мало волновало.

Скорее бы расквитаться со всеми экзаменами и рвануть в родной город. Туда, где море, белье на веревках в тенистых дворах, белая штукатурка на домах, наш любимый пирс... Это так естественно и привычно: выбираться каждое утро на дикий пляж и купаться, бросив вещи под кустами. Гулять по тихим светлым переулкам, а вечерами провожать солнце за горизонт.

Мои мысли прервал телефонный звонок. Я потянулась за смартфоном.

— Да, Паштет!

— Привет, Полином! — бодро отозвался Пашка. — Ты дома?

— Угу. Недавно вернулась.

— Я тут недалеко от тебя. Сейчас забегу.

— Беги, — растерялась я. Что, интересно, ему нужно на ночь глядя?

Друг зашел спустя десять минут.

— Смирновы дома? — спросил Пашка.

— Не-а, на даче. Только завтра вечером вернутся. Проходи!

Долгих сразу перешел к делу:

— А пожрать есть?

Я только горько вздохнула:

— Пиццу можем заказать.

— Сойдет, — деловито кивнул Пашка, разуваясь.

Зайдя в комнату, друг тут же развалился на моем диване. Я осторожно присела на краешек стула и вопросительно кивнула:

— Чего притащился-то?

— Очень ты гостеприимный, Аполлинарий, — укоризненно покачал головой Паша. — Дело к тебе есть. Вернее, к твоему соседу.

Пашка уткнулся в телефон, заказывая пиццу.

— К Олегу Владимировичу? — растерялась я.

— К Георгию Олеговичу, — хмыкнул Пашка.

— Какие с этой мелюзгой дела могут быть? — удивилась я.

— Тебе, как обычно, сырную?

— Ага.

Паша лежал на моем диване, в одной руке держа телефон, а вторую руку закинув за голову. Пока он продолжал пялиться в экран, я привычно разглядывала его. Красивый, с взъерошенными темными волосами, зелеными глазами и самой очаровательной на свете улыбкой. Высокий, сильный, добрый, обаятельный, такой дурной, родной, мой... Вернее, моим будет.

— А где Поля-младшая? — нарушил тишину Пашка.

— Ползает где-то, — поморщилась я.

— Ищи скорее мою любимицу, — потребовал друг.

Я встала на четвереньки и начала исследовать свою небольшую комнату. Поля-младшая — моя сухопутная черепаха. Вообще-то на самом деле ее зовут Изабелла (ага, в честь распитого в день покупки черепахи вина). Животинку мы приобрели с Пашей у сухонькой старушки возле перехода. Возвращались рано утром из клуба, где отмечали окончание первого курса. Тогда бабуля дрожавшей рукой протянула нам коробку с черепахой.

— Будет вам лучшим другом, детишки, — сказала она. Пашка, как самая главная высокорослая «детишка», первым посмотрел, кто в коробке.

— Думал, там щенок, — разочарованно произнес друг. Будто бы ему в съемной квартире разрешили бы завести собаку. Вообще-то и моя хозяйка запретила заселяться с домашними животными, но это же...

— Черепашка? — заглянула и я внутрь.

— Будет другом, — негромко повторила пожилая женщина. Я посмотрела на Долгих.

— Был бы щенок, — снова произнес Пашка, равнодушно пожав плечами. Дался ему этот щенок! — А от черепахи какой толк?

Это у Пашки друзей много. А мне разве новый приятель лишним будет?

— Паш, у меня деньги закончились, — тихо сказала я. В ту ночь я славно спустила все карманные. — С собой больше нет.

— Хочешь черепаху? — удивился друг.

Закивала:

— Я тебе верну!

— Да ладно, не надо возвращать, — проговорил Паша, доставая из заднего кармана джинсов бумажник. — Дарю. Долгих протянул старушке крупную купюру.

— А мелочь нет? — расстроилась пожилая женщина. — Где же я с самого утра разменяю?

— Держите-держите, — Пашка вложил купюру ей в руку. Взял коробку с черепахой и протянул мне. Я тут же прижала презент к груди. Уже дома долго не могла дозвониться до Паши, чтобы еще раз его поблагодарить. Оказалось, что Долгих за черепаху отдал последние деньги и, проводив меня до подъезда, к своему дому

тащился пешком в соседний район. А телефон разрядился по дороге.

С тех пор Изабелла проживала со мной в одной комнате. Мы с ней действительно сдружились. Может, потому, что это подарок Пашки, но к черепахе я прикипела. И перед сном обязательно рассказывала ей, как прошел мой день. Со стороны это глупо выглядит, наверное. Но наши беседы (точнее, мои монологи) вошли в привычку. Ну а Полей-младшей черепаху Паша назвал, потому что я такая же медленная, по его мнению, и опаздываю везде.

Я достала из-под стола черепаху и протянула Пашке. Изабелла тут же втянула в панцирь голову и все свои конечности.

— Так для чего тебе мелкий понадобился? — спросила я, вспомнив, что до этого мы говорили о Гошке.

— Мы тут на днях твоего Буравчика обсуждали... — начал Паша.

Я только вздохнула:

— Моего! Как же.

— Да не переживай ты, — расценил по-своему мои охи-вздохи Паша, отпуская черепаху обратно на пол. — Скоро будет твоим.

Нужно ли мне такое счастье?

— Я и не переживаю, — проямлила я.

— Вспомнил, как ты хотела Буравину письмо оставить. Знаешь, а это неплохая идея была. Можно отправить Уле цветы и записку. Как думаешь, Полин? От поклонника...

Пашка уставился в потолок и заулыбался. Неужели себя рядом с Улей представляет? Поклонник, куда деваться.

— А Гошка зачем? — не врубалась я.

— Служба доставки — это скучно, — поморщился Пашка. — А твой сосед — вылитый белокурый ангелочек. Может, какой трогательный стишок расскажет. Девчонки ведь любят детей?

Искренне пожала плечами. Не знаю, что там и как другие девчонки, а я из Гошки всю душу вытрясти готова.

— У тебя, кстати, как с ним отношения?

Кажется, пару раз я жаловалась Паше на своего не-сносного соседа, но он не придал моим словам особого значения.

— Мы с Гошей большие друзья, — без энтузиазма отозвалась я.

Наверное, мелюзгу можно использовать в своих коварных целях. Лягушку, что ли, Шацкой подбросить в коробке от поклонника? Придется наладить с Гошей отношения. А как? Еще одна проблема. Мороженого ему купить?

— Отлично! — обрадовался Паша. — Значит, тебе первое задание — узнать, какие цветы любит Ульяна.

— Стоп-стоп-стоп! — закричала я. — Как я это узнаю?

— Поболтаешь с ней, — ответил Пашка. — То да се... Ваши мамки ведь дружат?

— Они вместе работают, — поправила я. — А вот я с твоей Шацкой ненаглядной даже ни разу не общалась толком.

Наши рычания у расписания — не в счет.

— Ну подружисься, вот проблема-то. — Ответ Паши меня обескуражил. — У вас, девчонок, все просто: обсудите, кто губы накачал, кто родить успел...

Я фыркнула:

— Ты прямо знаток женщин. Проблем у него нет, чтобы подружиться.

Я продолжила бы возмущаться, но в этот момент в дверь позвонили. Приняв от курьера две коробки с горячими пиццами, мы перебрались на кухню. Распахнули настежь окно. Чтобы в квартиру не летела мошкара, погасили основной свет и зажгли небольшой светильник над кухонным столом. Я принесла из своей комнаты пару свечей, Пашка полез в карман за зажигалкой. Ну чем не романтический вечер? Потянулась за своей любимой сырной пиццей и в этот момент почувствовала такое спокойствие и счастье... А потом Пашка произнес:

— Я тут разузнал побольше об Ульяне. Она, конечно, невероятная девушка.

— Конечно, — с самым кислым видом согласилась я.

— Тебе не нравится пицца? — заметив мое недовольное выражение лица, спросил Паша.

— Пицца просто замечательная, — сказала я, зажевав активнее. Захотелось брезгливо добавить: «Мне не нравится твоя Ульяна!»

— В воскресенье к нам присоединится Буравчик, — продолжил Пашка.

— Что? Как? Уже? — почему-то запаниковала я. — Он в городе?

— Конечно, в городе, — удивился моей реакции Пашка. — Он учится здесь в политехе. Что ты так всполошилась? Ты точно ему понравишься. Стройные брюнетки в его вкусе.

Ага, да как же!

— Все вместе запишемся в секцию, которую посещает Ульяна.

Час от часу не легче! Насколько мне не изменяет память, Шацкая у нас балерина недоделанная. Мы запи-

шемся на балет? Представив себе Пашку и Буравчика в пачках и белых колготках, я негромко засмеялась.

— Ты чего? — озадаченно спросил Пашка.

— Ой! — хрюкнула я от смеха. — Представила себе просто... Смешно!

— Что смешного в боксе?

— В боксе? — тут же озадачилась я. — Уля занимается еще и боксом? Я думала, балетом.

— Она и балетом занимается, — кивнул Паша. Конечно, наш пострел везде поспел. И швец, и жнец, и на дуде игрец... С этой Шацкой все пословицы и поговорки переберешь.

Действительно, почему бы Ульяне и на ринг после сцены не выйти?

— Не пойдем же мы с Буравиным на танцы, — продолжил рассуждать Долгих.

— Но я не хочу боксировать, — запротестовала я. Воображение тут же нарисовало мой портрет с подбитым глазом. — Я вообще против драк.

— Мы придем на одно пробное занятие, чтобы подружиться с Улей, — успокоил меня Пашка. — Сейчас лекций практически нет, одни консультации. Где ты прикажешь мне ее вылавливать?

Сказала бы я где... А серьезно Пашка за дело взялся. Значит, сильно его Шацкая зацепила.

— Слушай, Ковалева, а есть что-нибудь холодненькое попить? — спросил Паша.

Конкретно у меня ничего подходящего не было. Но я, занятая своими мрачными мыслями, словно робот, поднялась из-за стола и направилась к холодильнику.

— Газированный квас, — протянула я пластиковую бутылку парню.

— То что нужно, — обрадовался Пашка. А затем озадаченно произнес: — Правда, тут записка: «Не трогать! Мое! Убью! Не шучу!»

— А! — я махнула рукой. — Да это Гошки-говеш... Георгия Олеговича то есть. У нас с ним такие классные отношения, он поймет, простит и не будет сердиться.

Как я «простила» его за съеденное яблоко...

Пашка жадно пил квас прямо из горлышка, поглядывая при этом на меня. Я тоже не отводила от друга внимательного взгляда. Танцующее пламя свечи озаряло красивое лицо Долгих. И время снова замерло. Но счастье в моем случае — штука мимолетная и хрупкая. Одно упоминание о сопернице — и... дзынь! А сейчас мне нравилось сидеть напротив и просто молчать.

Утолив жажду, Паша поставил бутылку на стол и, подперев голову, еще пару секунд смотрел на меня. А потом негромко сказал:

— Спасибо тебе, Поля.

— За что? За квас? — тихо спросила я.

— За то, что согласилась помочь.

— А для чего еще нужны друзья? — улыбнулась я.

Глава третья

В воскресенье я снова опаздывала. Слишком долго собиралась. Но на сей раз у меня была очень уважительная причина — я должна предстать перед Германом Буравиным, нашим донжуаном, во всей своей красе. А если Пашка приревнует? К Степе он, конечно, не ревновал. Но мы практически тогда и не пересекались, тусуясь в разных компаниях. А тут как увидит меня, такую красотку, потом заметит заинтересованный взгляд Буравчика да скажет, как в старом мультфильме: «Ну уж нет! Такая королева нужна самому...»

На кухне было отличное освещение, поэтому я притащила туда зеркало и большую косметичку. Откуда взялись все эти банки-склянки, я, если честно, даже не помнила. Есть у меня привычка такая дурная — скупать в магазине все подряд, особенно если товары по акции. Каждый раз, когда приходит sms-оповещение, что в парфюмерном скидки, я тут же несусь сломя голову на распродажу, хотя я почти никогда не крашусь.

На кухню в забавной пижаме с супергероями зашел заспанный Гошка. Смирновы вернулись домой поздно вечером в субботу. Жаловались, что на даче отключили

электричество. Долгое время сосед наблюдал, как я старательно крашу глаза тушью, а потом спросил:

— Зачем ты открываешь рот? Муха залетит.

Я промолчала, но рот захлопнула. Сердито посмотрела на Гошку. Мальчишка продолжил:

— Стоило на сутки на дачу умотать, продукты пропали. Кто выпил мой квас?

— Кто тебя не боится, — не слишком довольно ответила я, — нечего яблоки чужие пожирать, как садовая гусеница.

Потом я прикинула, что с Гошей все-таки лучше дружить, ведь я обещала Пашке сделать из соседа посылного. Но у мальчишки, видимо, было хорошее настроение, потому что он пропустил колкости мимо ушей и сел за стол напротив меня.

— Как тебе макияж? — спросила я, прикрыв оба глаза и зачем-то подняв брови.

— Для чего тебе краситься в воскресенье с самого утра?

— Сегодня я должна выглядеть на все сто, — ответила я, потянувшись за карандашом для губ.

Нанеся макияж, принялась рассматривать себя в зеркале. Признаться, немного расстроилась. Получилось не так, как я представляла.

— Макияж меня старит, — пробормотала я себе под нос.

— Ты ведь хотела выглядеть на все сто, — подал ехидный голос Гошка, — лет на шестьдесят пять точно получилось.

— Иди уроки на завтра делай! — сурово проговорила я, намекая, что не стоит влезать в дела взрослых.

— Конец мая. У нас уже каникулы начались.

— Тогда мультики посмотри, — хмыкнула я.

— А ты не хмурься так, еще больше морщин будет. Урюк!

Я запустила в Гошу упаковку с ватными дисками и совсем пригорюнилась. Вела бы перепалку с двенадцатилеткой Ульяна? Разумеется, нет. Это только я такими глупостями занимаюсь.

Когда подходила к парку, где мы договорились встретиться с ребятами, сердце уже привычно сделало кульбит. Теплый ветерок раздувал белую юбку, которую я придерживала руками. Пашка и Буравин устали на меня, дожидаясь, когда к ним доковыляю. Старалась вышагивать как можно беспечнее. Легко, держа осанку. Слава богу, не запнулась. Подошла к парням и лучезарно улыбнулась:

— Приветик! Прошу прощения, немного задержалась.

— Я уже предупредил Германа, что ты вечно опаздываешь, — проговорил Пашка. Ну это можно было и не сообщать. Паша хотел помочь завоевать Буравчика, а не отпугнуть его от меня.

Я уставилась на Буравина. Впервые видела этого парня так близко. Обычно, когда приходила на пляж поглазеть на соревнования по серфингу, на Германа не пялилась. Мне он никогда не был интересен. Симпатичный, конечно. Еще и лето не началось, а он с выгоревшими на солнце светлыми волосами. Синие джинсы, клетчатая рубашка... В принципе понятно, почему девчонки на него вешаются. Смазливый, подтянутый. Может, плюнуть на Долгих и с Германом закрутить роман? Шучу. Как только Буравчик открыл рот, я поняла, что мы точно не подружимся.

— Это — Полина, это — Герман, — официально представил нас друг другу Паша.

— Привет, крошка, — нагло усмехнулся блондин.

— У-у-у, брат, зря ты с этого начал, — засмеялся Пашка, с интересом поглядывая на меня.

— Какая я тебе крошка? — тут же насупилась я.

— Хлебная, — невозмутимо подсказал Паша, пока Буравчик продолжал жадно рассматривать мои голые ноги. Мне захотелось прикрыть их чем-нибудь, поэтому я выставила перед собой спортивную сумку, в которой лежала форма. — Ковалева, а ты куда так вырядилась? Мы на бокс идем записываться, а не на конкурс «Мисс Университет».

Хотелось бы мне ответить, что я всегда так выгляжу — с иголочки. Ан нет! Кому как не Пашке знать, что обычно на встречу я прибегаю растрепанная и взмыленная, словно загнанный конь на скачках.

Мне надоело, что Герман так откровенно пялится, поэтому я резко потянулась к блондину и нажала ему указательным пальцем на нос. От неожиданности Буравин отпрянул. Пашка захохотал.

— Бип! — сказала я. — Чего застыл?

— Покорен твоей красотой и длинными ногами, куколка, — усмехнувшись, ответил Герман. Сколько ж у него в запасе раздражающих меня обращений?

— Пуколка, — ответила я, — идем на тренировку записываться, чего встали?

Я первой двинулась по аллее парка. Миновала несколько свежевыкрашенных белых скамеек.

— Серьезно, это все ради Буравчика? — догнав меня, горячо шепнул на ухо Пашка. От неожиданности я вздрогнула.

— А ради кого еще? — кокетливо повела я плечом. — Как думаешь, ему понравилось?

Мы с Пашей обернулись и посмотрели на Германа, который немного отстал. Над нами закуковала кукушка. Буравин, остановившись возле старой липы, задрал голову и уставился на листву. Вид у него при этом был очень сосредоточенный. Ку-ку!

— Думаю, он просто в восторге, — хмыкнул Пашка. — Говорил же, ты его типаж. Я тебя сам в юбке редко вижу... Хорошо выглядишь.

О-о-о, от нежности я была готова растаять, как сладкий леденец во рту.

— Только намазалась так зря, — вернул меня с небес на землю Пашка, — Разрисовалась, как тетя Мотя. Не для спортзала.

Я надулась и обиженно произнесла:

— А Герману моему понравилось.

— Уже твоему? — с удивлением вскинул брови Пашка.

— Кто-то назвал мое имя? — тут же поспешил к нам Буравчик. — Обо мне говоришь, крохотуля?

«Крохотулю» я пропустила бы мимо ушей, если б Буравин не положил свою клешню на мое плечо.

— Не будем торопить события, Герман, — поморщилась я, скидывая руку парня.

— А чего медлить, малыш? — Буравчик притянул меня к себе и уткнулся носом в волосы. — Запах от тебя просто кайф!

Мамочки, во что я вляпалась?! Зачем Пашка мне подсунил этого непроходимого дурачину? Лучше бы за помощь в завоевании сердца Ульяны пообещал шоколадный торт. Куда более желанный презент. Я с жалобным видом глянула на Долгих, но тот, будто специально задрал голову, уставился на деревья. Мол, не буду вас смущать, воркуйте, голубки.

Буравин от меня не отклеивался, и я, словно невзначай, с силой наступила ему шпилькой на ногу. Герман охнул.

— Прости, зайчонок, — сказала я. И как можно ядовитее добавила: — Честное слово, нечаянно. При виде тебя ноги подкашиваются.

— Это да, — самодовольно отозвался Буравчик, — такое допускаю.

Я закатила глаза. С утра Гошка настроение испортил, сухофруктом обозвав, теперь этот озабоченный лезет. Еще скоро с обожаемой Шацкой встречу. За что на мою голову столько мучений? Я напомнила себе, что терплю это безобразие во имя своей большой и светлой любви. Все-таки вышла на тропу войны. Как же теперь обратно возвращаться? Вон и боевой раскрас нанесла. Лицо от тонального крема, да еще и на жару, с непривычки чесалось.

Дойдя до здания спорткомплекса, Пашка первым взбежал на крыльцо. Обернулся к нам и спросил:

— Ну что, вы готовы, дети?

— Да, капитан! — весело гаркнул над ухом Буравчик, толкнув меня в бок. Я чуть со шпилек не кувыркнулась. — Девушки, которые боксируют, очень заводят.

Это он мне сказал, а затем, подмигнув, нахально добавил:

— Покажешь, на что способна, детка?

— Если ты выступишь в качестве боксерской груши, то конечно, — угрюмо отозвалась я.

— У тебя острый язычок.

— А у тебя тупая голова, — негромко проговорила я. Так тихо, чтобы это услышал только Буравчик.

Герман нахмурился и возмущенно засопел:

— Этим ты меня еще больше заводишь. Я никогда не отступаю. Первое правило Буравчика! Что ты молчишь, крош?

— Боже, — пролепетала я. — Ну-ка, Копатыч, кто первый?

С этими словами я понеслась вверх по лестнице вслед за Пашкой. Схватила друга за локоть и, притянув к себе, прошипела:

— Ты зачем этого Буравчика с собой притажил?

— Как это зачем? — искренне удивился Пашка. — У нас же был договор — я обещал вас познакомить. Станный у тебя, конечно, вкус на парней. Слушай, а Степан таким же был?

Я запыхтела. А Паша насмешливо продолжил:

— Но от вас с Буравиным прямо искры летят.

— Ты слышал, что Герман сказал про девчонок, которым нравится бокс? Сейчас втюрится в твою Улю, будешь знать, — поморщилась я. Искры... Если этот индюк еще раз меня назовет крошем, перья полетят.

— Какой там! — рассмеялся Пашка. — Буравин уже в тебя втюрился.

Я резко обернулась и посмотрела на Германа. Тот, перехватив мой сердитый взгляд, поиграл бровями. Господи! За что? Затем Буравчик догнал нас и громко поинтересовался у Пашки:

— Братан, а где здесь сортир, не знаешь?

Получив ответ, Герман схватил меня за руку:

— Дождешься меня, детка?

— Смойся! — посоветовала я.

Буравчик заржал и скрылся за поворотом. Пашка странно покосился на меня:

— Это у тебя в порядке флирта?

— Я на него зла, — ответила я.

— Из-за того, что он назвал тебя деткой?

— Да хоть дедкой! — сердилась я. — Рано начал руки распускать. Я такого не люблю, ты ведь знаешь.

— О'кей, я с ним поговорю, — пообещал Паша. — Сам, если честно, удивлен, что он так быстро в наступление пошел.

Буравчик появился возле нас спустя несколько минут.

— Сделал дело — гуляй смело, — подмигнув мне, проговорил Герман. — Второе правило Буравчика! Запомни-най, пупс.

— Не припомню, чтобы в правиле речь шла об уборной, — нашлась я. — А ты, Паша, как считаешь?

— Ага, там что-то о направлении поступательного движения... — начал Долгих, а затем резко замолчал. На лице его появилась дурацкая блаженная улыбка.

— Павлентий? — позвала я, дернув друга за рукав рубашки.

Проследила за взглядом Паши: в конце коридора появилась Ульяна.

* * *

А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит...

Эти строчки всегда приходят первыми на ум, когда я вижу Шацкую.

Уля стояла недалеко у стойки администратора и, залиvisto смеясь, о чем-то болтала с огромным качком. Я с

жалобным видом посмотрела на Пашку, который продолжал любоваться Ульяной.

— Шею не сверни, — тихо посоветовала я.

— Женская раздевалка рядом с мужским сортиром, — подал голос Буравчик. Потом наклонился ко мне и шепотом спросил: — Тебя проводить, пупсик?

Герман остался равнодушным к Ульяне, и то радуется. Не все штабелями перед Шацкой падают, зато продолжил липнуть ко мне, а это проблема.

— Спасибо за такую ценную информацию. Сама найду! — ответила я сквозь зубы. Паша на время выпал из реальности. Я, тяжело вздохнув, поправила на плече ремень от спортивной сумки и двинулась в сторону раздевалок.

Переодевшись, критично осмотрела себя в зеркале. После лицецерения в коридоре лучезарной фигуристой Ульяны даже выходить в зал не хотелось. Натянуть бы короткий спортивный топ до самых пяток. Что за селедка в лосинах? Хочу грудь побольше. И попу! Попа моя где?

Я на цыпочках подкралась к двери и осторожно выглянула в коридор. Тут же нос к носу столкнулась с Буравиным.

— Давай выходи, красапета, — проговорил Герман, — хоть полюбуюсь на тебя.

После его слов еще больше захотелось стать моей Изабеллой и спрятать голову в панцирь.

— А ты чего в этой стороне забыл? Мужские раздевалки не здесь, — сердито поинтересовалась я, понизив голос. — Или опять в туалет ходил?

— Обижает! Я тебя встречаю.

— А я думала, правило Буравчика снова в действии. И я тебе не поезд Саратов — Адлер, чтобы встречать меня, — продолжила ворчать я.

— Что ты все скрипишь, как старая телега? — удивился Герман. — Расслабься, карапуз!

— Какой я тебе карапуз? — возмутилась я.

Наверное, мы с Германом устроили бы тренировку по боксу, не дойдя до зала, но к нам вовремя подоспел Пашка:

— Полин, ты готова?

— Угу! — вышла я наконец в коридор. Буравчик, окинув меня взглядом, показал два больших пальца. Я закатила глаза, а Пашка снова рассмеялся.

В зал я зашла последней, прячась за широкую спину Долгих. Уля уже стояла рядом с главным тренером недалеко от небольшого ринга. И сияла при этом, словно начищенный таз на солнце. Заметив нас, она дружелюбно кивнула. Конечно, Пашке и Герману, а не мне. «Алевтину» она даже взглядом не удостоила.

— Надеюсь, первое занятие бесплатно, — негромко проговорила я. Еще не хватало за свой позор деньги платить.

До начала разминки Шацкая подошла к нам.

— Привет! — лучезарно улыбнулась она. — Не ожидала вас здесь встретить.

— Привет! — заулыбался в ответ Пашка. — Не говори! То в клубе, то здесь... Как судьба нас сводит.

Я едва удержалась от того, чтобы громко цокнуть языком. Ага, конечно, судьба, а не «разведка мне донесла, какие секции посещает Уля...».

Раздался свисток, и я от неожиданности подпрыгнула на месте. Шацкая кокетливо помахала пальчиками и пожелала парням удачи. Напоследок и по мне мазнула равнодушным взглядом. Какая честь!

Стало тяжело уже на разминке. Бег по залу, растяжка, прыжки со скакалкой...